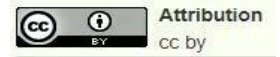


Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2713-1742-2024-2-14>
УДК 32



ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ РЕГИОН КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сунь Хаосюань¹, Гонежук Б.М.²

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова¹,
Краснодарский университет МВД России²

Аннотация. Цель. Данная статья посвящена рассмотрению Центрально-азиатского региона как ключевого и важнейшего элемента в современной системе международных отношений. Результаты. В статье анализируются геополитическое положение, исторические особенности и современная роль стран Центральной Азии в международной арене. Рассматриваются интеграционные процессы, экономическое сотрудничество, культурные связи и политические взаимодействия в регионе, а также их влияние на глобальную политику и экономику. Особое внимание уделяется региональным и международным инициативам, направленным на укрепление сотрудничества между странами Центральной Азии и другими актерами мировой арены. Выводы. В статье делается вывод о том, что Центрально-азиатский регион играет все более значимую роль в современных международных отношениях, оказывая влияние на многие аспекты мировой политики и экономики.

Ключевые слова: Центральная Азия, геополитика, международная безопасность, международные организации.

THE CENTRAL ASIAN REGION AS THE MOST IMPORTANT ELEMENT OF THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Sun Haoxuan¹, Bombay M. Gonezhuk²

Lomonosov Moscow State University¹,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia²

Abstract. Goal. This article is devoted to the consideration of the Central Asian region as a key and most important element in the modern system of international relations. Results. The article analyzes the geopolitical situation, historical features and the modern role of the Central Asian countries in the international arena. Integration processes, economic cooperation, cultural ties and political interactions in the region, as well as their impact on global politics and the economy, are considered. Special attention is paid to regional and international initiatives aimed at strengthening cooperation between the countries of Central Asia and other actors on the world stage. Conclusions. The article concludes that the Central Asian region plays an increasingly important role in modern international relations, influencing many aspects of world politics and economics.

Key words: Central Asia, geopolitics, international security, international organizations.

Введение. На протяжении большей части 20-го века огромная территория между Каспийским морем на западе и Китаем на востоке была частью Российской империи и Советского Союза. В этом регионе существовало несколько архаичных монархических государств (Бухара, Хива, Коканд). Все три страны были завоеваны или находились под властью Российской Империи и включены в состав СССР в начале 1920-х годов. Государства, существовавшие в регионе,

были не национальными государствами, а типичными многонациональными феодальными монархиями. Каждое государство основывалось на контроле правящей группы (династии) над определенным оазисом или группой оазисов, окруженных со всех сторон пустыней или горами. Население каждого оазиса обычно было этнически смешанным, так как близость к воде была более определяющим миграционным фактором, чем этническая принадлежность правителя, который контролировал его. У местных

жителей не было понятия «принадлежность к нации». Скорее, основой их идентичности послужило «оазисное мышление» - локальная и территориальная, а не этнокультурная [1].

В 1930-е годы советские большевики, воодушевленные, казалось бы, вильсоновской идеей «самоопределения наций» и желанием заручиться поддержкой местного населения, создали в регионе пять союзных республик. Они основывались на этническом принципе: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан. Эти вновь созданные союзные республики входили в состав Советского Союза, хотя формально имели право выйти из состава СССР и стать независимыми государствами.

Действительно, после мирного распада Советского Союза в 1991 году все пять республик внезапно стали независимыми государствами. Во многом неопытные, они сразу же вступили в Содружество Независимых Государств (СНГ). Созданное на волне бывшего Советского Союза, СНГ было просто свободной международной организацией, а не конфедерацией бывших советских республик. В 1992 году четыре государства бывшей советской Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Киргизия) вместе с Россией подписали «Ташкентский договор», который обеспечил формальную основу для размещения российских войск на их территории. Туркменистан к договору не присоединился [2].

Результаты. В настоящее время, влияние России в Центрально-Азиатском регионе по-прежнему достаточно значительно, и оно будет расти [5]. Внешняя политика России в Центральной Азии преследует три основные цели. Первое – содействие безопасности и военно-техническому сотрудничеству (от модернизации вооруженных сил государств региона до строительства военных баз в Кыргызстане и Таджикистане). Второе – содействие энергетическим проектам в нефтегазовом секторе и гидроэнергетике. Третье – укрепление интеграционных институтов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), полноправными членами которого являются Казахстан и Кыргызстан, в перспективе – Таджикистан.

Кроме того, значение Центрально-Азиатского региона для России определяется рядом факторов. Некоторые элементы, такие как кажущаяся нестабильность границ (часто произвольно установленных между республиками в советский период), территориальные споры,

накапливавшиеся веками, межэтнические (или межклановые) конфликты как между новыми независимыми государствами, так и внутри них, хронически нестабильный соседний Афганистан, грозят дестабилизировать обстановку в регионе. Возникновение «вакуума влияния» и проницаемость границ могут усилить криминальные и фундаменталистские структуры, что угрожает безопасности самой России.

Вместе с тем, отмечается перенос «центра тяжести» противостояния террористическому «интернационалу» с Ближнего Востока к границам центрально-азиатского региона.

Экстремисты рассматривают государства Центральной Азии в качестве вербовочной базы для пополнения своих рядов и главного направления распространения радикальной исламистской идеологии.

В создавшихся условиях противодействие деятельности тергруппировок является приоритетной задачей в деле обеспечения региональной безопасности. Эту позицию необходимо скоординировано продвигать на профильных площадках и более активно использовать такие механизмы, как ОДКБ и АТЦ СНГ, укрепляя их потенциал [3].

В этом ключе, положительное значение имеет дальнейшее развитие отношений указанных организаций с ООН в целях продвижения совместных инициатив по проблематике борьбы с НВУ, руководствуясь соответствующими резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН.

Учитывая, что США препятствуют контактам данных региональных институтов с антитеррористическими структурами ООН, представляется целесообразным единым фронтом выступить против этой линии Вашингтона, формализовать письменными меморандумами и нарастить взаимодействие с Контртеррористическим комитетом СБ ООН, Контртеррористическим исполнительным директором, санкционными комитетами СБ ООН 1267/1989/2253 и 1988, Мониторинговой группой указанных санкционных комитетов СБ ООН и Управлением ООН по контртерроризму [6].

Обсуждение. Важно понимать, что в приграничном с центрально-азиатским регионом Афганистане ИГИЛ в нынешнем виде на 70-80 % состоит из пакистанцев – бывших боевиков Движения талибов Пакистана. Оставшиеся – в основном члены Исламского движения Узбекистана. Численность ИГИЛ в Афганистане оценивается в 4 тыс. человек. С учетом боевиков

«союзных» с ним терструктур и бойцов, привлекаемых к боевым действиям на коммерческой основе, личный состав может достигать 10 тыс. человек, почти половина из которых сосредоточена в северных провинциях страны. По некоторым оценкам, численность Движения талибов достигла 60 тыс., под их контролем находится до 50% территории Исламской Республики Афганистан.

Информация о планах реализации в странах Центральной Азии проектов под эгидой западной концепции «противодействия насильственному экстремизму» (ПНЭ) регулярно циркулирует с момента запуска известной «Вашингтонской инициативы» по ПНЭ 2015 г [4].

Концепция ПНЭ в ее изначальном «подсказанном» западниками бывшему Генсекретарю ООН Пан Ги Муну формате предполагает возможность вмешательства во внутренние дела государств под маской распространения наилучшего опыта в антиэкстремистской сфере (обучения «профилактике экстремизма», «недопущения авторитаризма и репрессивной политики правительств», «продвижения демократии и прав человека»), прямого взаимодействия международных структур и НПО с представителями местного гражданского общества, включая его финансирование, в обход национальных компетентных органов.

На самом деле, под зонтиком бюджетных и внебюджетных проектов, например, ОБСЕ, ПРООН и УНП ООН, в странах Центральной Азии идет внедрение западных стандартов, в том числе, и в тех сферах, которые напрямую относятся к международной или национальной контртеррористической безопасности не имеют. Государствам извне навязываются выгодные Западу правила решения и регулирования внутренних вопросов экономики, образования, работы с молодежью, верующими, женщинами, заключенными, жертвами терроризма. Из числа представителей местного гражданского общества воспитываются прозападные «агенты влияния», транслирующие отстаивающие западные приоритеты и псевдолиберальные ценности, в том числе от лица международных организаций.

Результат таких западных и международных инициатив возможен прямо противоположный заявляемому – не профилактика экстремизма и радикализации, а дестабилизация законных властей, поощрение и провоцирование

экстремистских настроений и радикальных движений. Все это, по большому счету, и есть формирование благоприятной почвы, а то и конкретных механизмов для новых «цветных революций».

Первоначально, под проекты ПНЭ западниками был выбран ряд «пилотных» стран, включая Центральную Азию. Соответствующие «закладки» стали внедряться в многочисленные программы техпомощи заинтересованным государствам по линии ООН, ОБСЕ, Совета Европы и др. международных и региональных организаций.

При этом УНП ООН уже запускает второй этап проекта по ПНЭ для стран ЦА по созданию «региональной сети в сфере предупреждения насильственного экстремизма и терроризма» (первый этап с бюджетом в 500 тыс. долл. США финансировали японцы).

Руководитель подразделения по борьбе с терроризмом Департамента по транснациональным угрозам ОБСЕ, россиянин А.Г.Аваков в рамках своей поездки в Нью-Йорк пытался получить от Управления ООН по контртерроризму (УКТ, возглавляет Замгенсека ООН, россиянин В.И.Воронков) финансирование на реализацию проектов ПНЭ в странах Центральной Азии, рассчитанных на 2018-2023 гг. с бюджетом в 7 млн. евро.

Евросоюз при поддержке УКТ и ПРООН выделил на инициативу «Strive Asia» по разработке национальных планов по ПНЭ и взаимодействие с местными общинами 5-6 млн. долл. США.

По линии Фонда миростроительства ООН на содействие Киргизии выделяется 8 млн. долл. США с привязкой к ПНЭ и акцентом на вопросы реализации «коммуникационных стратегий, совершенствования законодательства, повышение роли женщин и молодежи».

Растет и количество спонсируемых западниками региональных семинаров и конференций по ПНЭ. При поддержке ОБСЕ и ЕС в Душанбе прошла международная конференция высокого уровня «Противодействие терроризму и предотвращение насильственного экстремизма». В Ташкенте состоялась конференция «Роль молодежи в предотвращении и противодействии насильственному экстремизму и радикализации, ведущей к терроризму». В Ташкенте в ближайшее время планируется созыв Первого регионального форума молодежи стран ЦА.

Действительно важной и необходимой видится плотная и системная работа с партнерами в двустороннем формате, в том числе с использованием ресурсов РАТС ШОС, ОДКБ, АТЦ СНГ.

Необходимо выводить проблематику вредоносных проектов ПНЭ в странах ЦА – проектов вмешательства во внутренние дела России и союзных нам государств – на обсуждение в межведомственном формате.

Заключение. Организационным механизмом закрепления приоритетов в международном антиэкстремистском сотрудничестве могло бы быть целенаправленное и достаточно частое проведение профильных международных мероприятий, в том числе вынужденно, и по тематике ПНЭ, на российских площадках, что будет позволять действительно эффективно отстаивать позиции, мобилизовать на солидарные действия единомышленников и союзников из государств ЦА.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гэ Х. Современное возрождение геополитических исследований и его значение для Китая // *Международный обзор*. 2020. № 2. С. 68–84. 葛汉文. 地缘政治研究的当代复兴及其中国意义. 《国际展望》2020年第2期68–84. 共17页.

2. Кадырбаев А. Эволюция историко-географических и этнических названий Центральной Азии в отечественной, западной, китайской и иранской историографиях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.central-urasia.com/central-asia/?uid=285>

3. Ларуэль М., Пейруз С. Региональные организации в Центральной Азии: характеристика взаимодействий, дилеммы эффективности. Доклад № 10.2019 [Электронный ресурс]. URL: www.ucentralasia.org/./UCA-IPPA-WP-10-RegionalOrganizations-Rus.pdf

4. Лаумулин М.Т. Геополитическая стратегия Китая и безопасность в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kisi.kz/img/docs/4587.pdf>

5. Галеева А.А., Демидова Т.К., Васильев А.В. Роль России в экономическом и политическом развитии Центральной Азии: торговля, энергетика и безопасность // *Евразийский юридический журнал*. – 2023. – № 12(187). – С. 89-90.

6. Ковров В.Ф., Абрарова З.Ф., Маяцкая О.Б. Экономические санкции в отношении России: контрсанкции, последствия и перспективы // *Дискуссия*. – 2023. – № 4(119). – С. 87-106.

References:

1. Ge H. The Modern revival of geopolitical studies and its significance for China // *International review*. 2020. No. 2. P. 68-84. 葛汉文. 地缘政治研究的当代复兴及其中国意义. 《国际展望》2020年第2期68–84. 共17页.

2. Kadyrbaev A. The evolution of historical, geographical and ethnic names of Central Asia in Russian, Western, Chinese and Iranian historiographies [Electronic resource]. URL: <http://www.central-urasia.com/central-asia/?uid=285>

3. Laruel M., Peyrouz S. Regional organizations in Central Asia: characteristics of interactions, dilemmas of effectiveness. Report No. 10.2019 [Electronic resource]. URL: www.ucentralasia.org/./UCA-IPPA-WP-10-RegionalOrganizations-Rus.pdf

4. Laumulin M.T. China's geopolitical strategy and security in Central Asia [Electronic resource]. URL: <http://www.kisi.kz/img/docs/4587.pdf>

5. Galeeva A.A., Demidova T.K., Vasiliev A.V. The role of Russia in the economic and political development of Central Asia: trade, energy and security // *Eurasian Law Journal*. – 2023. – № 12(187). – Pp. 89-90.

6. Kovrov V.F., Abrarova Z. F., Mayatskaya O. B. *Economic sanctions against Russia: counter-sanctions, consequences and prospects // Discussion.* – 2023. – № 4(119). – Pp. 87-106.

Информация об авторах:

Сунь Хаосюань, магистрант факультета мировой политики международных отношений, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, sun_lidong@126.com

Гонезжук Бамбет Мугдинович, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, подполковник полиции, Email: gbm210973@gmail.com

Sun Haoxuan, Master, Faculty of World Politics and International Relations, Lomonosov Moscow State University.

Bombit M. Gonezhuk, Lecturer at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel.